

Муса Джалиль

Моабитская тетрадь (фрагмент)

До нас дошли две маленькие, размером с детскую ладошку тетрадки с моабитскими стихами Джалиля. Первая из них содержит 62 стихотворения и два фрагмента, вторая — 50 стихотворений. Двадцать из них, очевидно, те, которые поэт считал наиболее важными, повторяются в обеих тетрадках. Таким образом, моабитский цикл содержит 92 стихотворения и два отрывка. Первую тетрадь вынес из Моабитской тюрьмы бывший узник этой тюрьмы, советский военнопленный Габбас Шарияев. В лагере Ле-Пюи во Франции он передал тетрадку военнопленному Нигмату Терегулову. В марте 1946 г. Н. Терегулов приехал в Казань и передал тетради Мусы Джалиля и Абдуллы Алиша вдове А. Алиша Р. Тюльпановой, которая, в свою очередь, отдала их председателю Союза писателей Татарии А. Ерикею.

Тетрадь Джалиля сшита из разрозненных клочков бумаги и заполнена убогим арабским шрифтом. На обложке написано химическим карандашом по-немецки (для отвода глаз гитлеровских тюремщиков): «Словарь немецких, тюркских, русских слов и выражений. Муса Джалиль. 1943-44 г.» На последней страничке поэт оставил свое завещание: «К другу, который умеет читать по-татарски а прочтет эту тетрадь. Это написал известный татарский поэт Муса Джалиль... Его история такова: он родился в 1906 году. Имеет квартиры в Казани и Москве. Считается у себя на родине одним из больших поэтов. Он в 1942 году сражался на фронте и взят в плен. В плену испытал все ужасы, прошел через сорок смертей, затем был привезен в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него останется 116 стихов, написанных в плену и в заточении. Он беспокоится за них. Поэтому он из 116 старался переписать хотя бы 60 стихотворений. Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет как стихи погибшего поэта татарского народа. Таково мое завещание. Муса Джалиль. 1943. Декабрь».

На обороте Джалиль написал список тех, кто был арестован и брошен в тюрьму вместе с ним. Их — 12 человек. «Они обвиняются в разложении татарского легиона, в распространения советской пропаганды, в организации коллективных побегов», — разъяснил поэт. Затем он провел жирную черту и приписал фамилию тринадцатого — предателя, выдавшего подпольную организацию. Кроме того, в блокноте указан адрес семьи Джалиля и Союзов писателей в Москве и Казани.

Вторую тетрадку, напечатанную латинским шрифтом, Муса передал соседу по камере, бельгийскому патриоту Андре Тиммермансу. Тиммерманс смог переслать ее вместе с другими личными вещами на родину, а после войны, уже в 1947 г., передал в Советское консульство в Брюсселе. Эта тетрадь заполнялась позднее. Последнее помещенное здесь стихотворение — «Новогодние пожелания» — написано 1 января 1944 г. В тетрадке есть адрес Джалиля и краткие сведения о нем для тех, кто обнаружит тетрадку: «Муса Джалиль — известный татарский поэт, заключенный и осужденный к смерти за политику в Германии. Тюрьма. М. Джалиль». Слова эти написаны по-русски (на случай, если тетрадь попадет в руки тех, кто о не умеет читать по-татарски). Джалиль выражался осторожно; «за политику», то есть по обвинению в политической деятельности против фашизма.

Вторая тетрадка тоньше первой. Сшитая часть содержит всего 33 стихотворения, после которых поэт оставил горькую надпись: «В плену и в заточении-1942.9-1943.11 — написал сто двадцать пять стихотворений и одну поэму. Но куда писать? Умирают вместе со мной».

После этого Джалилю, видимо, удалось раздобыть несколько листков бумаги, и он записал на них еще семнадцать стихотворений. Листки эти не подшиты, просто вложены в блокнот.

В настоящем издании стихи моабитского цикла публикуются полностью. Стихи датированы автором. Там, где нет авторских дат, дается предположительная датировка, сопровождаемая знаком вопроса.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Милый мой, радость жизни моей,
За отчизну уходит в поход.
Милый мой, солнце жизни моей,
Сердце друга с собой унесет.
Я расстанусь с любимым моим,
Нелегко провожать на войну.
Пусть он будет в боях невредим
И в родную придет сторону.
Весть о том, что и жду, и люблю,
Я джигиту пошлю своему.
Весть о том, что я жду и люблю,
Всех подарков дороже ему.

Июнь 1942

ПИСЬМО

(Песня) 1

Я в затишье меж боями
Говорить задумал с вами,
Вам письмо бы написал.
Эх вы, девушки-сестренки,
Вам письмо бы написал!
В песню вы письмо включите,
И меня вы помяните
На гулянье и в избе.
Эх вы, девушки-сестренки! —
На гулянье и в избе.

2

Не прогнав орды кровавой,
Не поправ врага со славой,
Не вернемся мы домой.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Не вернемся мы домой.
Если к вам не возвратимся,
В ваших песнях возродимся, —

Это счастьем будет нам.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Это счастьем будет нам.

3

Если мы необходимы
Нашей родине любимой,
Мы становимся сильнее.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Мы становимся сильнее.
Скоро счастье сменит беды,
Так желайте ж нам победы!
Вечно в наших вы сердцах.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Вечно в наших вы сердцах!

Июнь (?) 1942

ПЛАТОЧЕК

Простились мы, и с вышитой каймою
Платок родные руки дали мне.
Подарок милой! Он всегда со мною.
Ведь им закрыл я рану на войне.
Окрасился платочек теплой кровью,
Поведав мне о чем-то о родном.
Как будто наклонилась к изголовью
Моя подруга в поле под огнем.
Перед врагом колен не преклонял я,
Не отступил в сраженьях ни на пядь.
О том, как наше счастье отстоял я,
Платочек этот вправе рассказать.

Июль 1942

ПРОСТИ, РОДИНА!

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер

Смертью солдата в жарком бою.
Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.
В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.
Слезинки не выронил, понимая:
Дороги отрезаны. Слышал я:
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.
Я не ждал ни спасенья, ни чуда.
К смерти взывал: «Приди! Добей!..»
Просил: «Избавь от жестокого рабства!»
Молил медлительную: «Скорей!..»
Не я ли писал спутнику жизни:
«Не беспокойся, — писал, — жена.
Последняя капля крови капнет —
На клятве моей не будет пятна».
Не я ли стихом присягал и клялся,
Идя на кровавую войну:
«Смерть улыбку мою увидит,
Когда последним дыханьем вздохну».
О том, что твоя любовь, подруга,
Смертный огонь гасила во мне,
Что родину и тебя люблю я,
Кровью моей напишу на земле.
Еще о том, что буду спокоен,
Если за родину смерть приму.
Живой водой эта клятва будет
Сердцу смолкающему моему.
Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил мой пистолет...
Скорпион себя убивает жалом,
Орел разбивается о скалу.

Разве орлом я не был, чтобы
Умереть, как подобает орлу?
Поверь мне, родина, был орлом я, —
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.
Что делать? Отказался от слова,
От последнего слова друг-пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след...
...Я вижу зарю над колючим забором.
Я жив, и поэзия не умерла:
Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.
Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью рдеет
Душа полоненная моя!
Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.
Есть одна у меня надежда —
Сердце стремится к одному:
В ваших рядах идти на битву.
Дайте, товарищи, место ему!

Июль 1942

ВОЛЯ

И в час, когда мне сон глаза смыкает,
И в час, когда зовет меня восход,
Мне кажется, чего-то не хватает,
Чего-то остро мне недостает.
Есть руки, ноги — всё как будто цело,
Есть у меня и тело и душа.
И только нет свободы! Вот в чем дело!
Мне тяжело жить, неволею дыша.
Когда в темнице речь твоя немеет,

Нет жизни в теле — отняли ее,
Какое там значение имеет
Небытие твое иль бытие?
Что мне с того, что не без ног я вроде:
Они — что есть, что нету у меня,
Ведь не ступить мне шагу на свободе,
Раскованными песнями звеня.
Я вырос без родителей, и всё же
Не чувствовал себя я сиротой.
Но то, что для меня стократ дороже,
Я потерял: отчизну, край родной!
В стране врагов я раб тут, я невольник,
Без родины, без воли — сирота.
Но для врагов я всё равно — крамольник,
И жизнь моя в бетоне заперта.
Моя свобода, воля золотая,
Ты птицей улетела навсегда.
Взяла б меня с собою, улетаю,
Зачем я сразу не погиб тогда?
Не передать, не высказать всей боли,
Свобода невозвратная моя.
Я разве знал на воле цену воле!
Узнал в неволе цену воли я!
Но коль судьба разрушит эти своды
И здесь найдет меня еще в живых, —
Святой борьбе за волю, за свободу
Я посвящу остаток дней своих.

Июль 1942

ЛЕС

Закат давно сгорел, — а я стою, гляжу.
Душа полна тяжелой думой,
Гляжу поверх оград — туда, где ближний лес
Вздывается стеной угрюмой.
Там старый партизан, наверно, в этот час
В костер подбрасывает ветки,
Лесного «Дедушки» бесстрашные бойцы
Вернулись только что с разведки.

Товарищ Т. не спит — обдумывает он
План дерзостной ночной атаки,
И словно точат сталь — клинка протяжный звон
Мне чудится в тревожном мраке.
О лес, дремучий лес, пусть меж тобой и мной
Ряды колючих заграждений,
Лишь плоть моя в плену, а гордая душа
Полна безудержных стремлений.
К тебе летит душа — по тропкам потайным
Крадется в полумрак сосновый...
Ложусь ли я во тьме, встаю ли на заре —
Всё чудится твой зов суровый.
О лес, дремучий лес, как ты поешь — зовешь.
Деревья на ветру качая,
Напевам мужества, надежды и борьбы
Меня ночами обучая.
О лес, свободный лес, как для меня тяжел
Позор неволи, гнет мертвящий!
Где прячешь ты моих неведомых друзей —
В какой непроходимой чаще?
О лес, могучий лес, к ним отведи меня,
Дай мне оружие боевое!
Умру — но долг святой исполню до конца
В разгаре яростного боя.

Июль 1942

КРАСНАЯ РОМАШКА

Луч поляну осветил
И ромашки разбудил:
Улыбнулись, потянулись,
Меж собой переглянулись.
Ветерок их приласкал,
Лепестки заколыхал,
Их заря умыла чистой
Свежею росой душистой.
Так качаются они,
Наслаждаются они.
Вдруг ромашки встрепенулись,

Все к подружке повернулись.
Эта девочка была
Не как все цветы бела:
Все ромашки, как ромашки,
Носят белые рубашки.
Все — как снег, она одна,
Словно кровь, была красна.
Вся поляна к ней теснилась:
— Почему ты изменилась?
— Где взяла ты этот цвет? —
А подружка им в ответ:
— Вот какое вышло дело.
Ночью битва здесь кипела,
И плечо в плечо со мной
Тут лежал боец-герой.
Он с врагами стал сражаться,
Он один, а их пятнадцать.
Он их бил, не отступил,
Только утром ранен был.
Кровь из раны заструилась,
Я в крови его умылась.
Он ушел, его здесь нет —
Мне одной встречать рассвет.
И теперь, по нем горюя,
Как Чулпан-звезда горю я.

Июль 1942

СОЛОВЕЙ И РОДНИК

Баллада 1

Чуть займетса заря,
Чуть начнет целовать
Ширь полей, темный лес
И озерную гладь, —
Встрепенется от сна,
Бьет крылом соловей
И в притихшую даль
Смотрит с ветки своей.

Там воркует родник,
Птичка рвется к нему,
И тоскует родник
По дружку своему.
Как чудесно, друзья,
Знать, что любят тебя!
Жить на свете нельзя,
Никого не любя!
Птичка любит родник,
Птичку любит родник, —
Чистой дружбы огонь
Между ними возник.
По утрам соловей
Появляется здесь,
Нежной радугой брызг
Омывается весь.
Ах, как рад соловей!
Ах, как счастлив родник!
Кто способен смотреть,
Не любуясь, на них?

2

Разбудила заря
Соловья, как всегда:
Встрепенулся, взглянул
Он туда и сюда.
И спорхнул-полетел
К роднику поскорей.
Но сегодня дружка
Не узнал соловей.
Не смеется родник
Звонким смехом своим,
Он лежит недвижим,
Тяжким горем томим.
Ключевая струя
Замутилась, темна,
Будто гневом она
До предела полна.

Удивился тогда
И спросил соловей:
— Что случилось, мой друг? —
И ответил ручей:
— Нашей родины враг
Тут вчера проходил
И мою чистоту
Замутил, отравил.
Кровопийца, бандит.
Он трусливо бежит,
А за ним по пятам —
Наш отважный джигит.
Знает враг, что джигит
Пить захочет в бою,
Не удержится он,
Видя влагу мою.
Выпьет яда глоток —
И на месте убит,
И от мести уйдет
Кровопийца, бандит...
Друг, что делать, скажи!
Верный путь укажи:
Как беду отвести?
Как героя спасти?
И, подумав, сказал
Роднику соловей:
— Не тревожься, — сказал, —
Не горюй, свет очей.
Коль захочет он пить
На твоём берегу,
Знаю, как поступить,
Жизнь ему сберегу!..

3

Прискакал молодец
С клятвой в сердце стальном,
С автоматом в руках,
С богатырским клинком.

Больше жизни
Отчизна ему дорога.
Он желаньем горит
Уничтожить врага.
Он устал. Тяжелы
Боевые труды.
Ох, сейчас бы ему
Хоть бы каплю воды!
Вдруг родник перед ним.
Соскочил он с коня,
Обессилев от жажды,
От злого огня.
Устремился к воде —
Весь бы выпил родник!
Но защелкал, запел
Соловей в этот миг.
Рядом с воином сел,
Чтобы видел джигит.
И поет. Так поет,
Словно речь говорит!
И поет он о том,
Как могуча любовь.
И поет он о том,
Как волнуется кровь.
Гордой жизни бойца
Он хвалу воздает —
Он о смерти поет,
Он о славе поет.
Сердцу друга хвалу
Воздает соловей,
Потому что любовь
Даже смерти сильней.
Славит верность сердец,
Славит дружбу сердец.
Сколько страсти вложил
В эту песню певец!

4

Но хоть песне внимал
Чутким сердцем джигит,
Он не понял, о чем,
Соловей говорит.
Наклонился к воде,
Предвкушая глоток,
На иссохших губах
Ощутил холодок.
К воспаленному рту
Птица прынула вмиг,
Каплю выпила ту
И упала в родник...
Счастлив был соловей —
Как герой умирал:
Клятву чести сдержал,
Друг его обнимал.
Зашумела волна,
Грянул в берег поток
И пропал. Лишь со дна
Вился черный дымок.
Молодой богатырь
По-над руслом пустым
Постоял, изумлен
Страшным дивом таким...
Вновь джигит на коне,
Шарит стремя нога,
Жаждет битвы душа,
Ищет сабля врага.
Новый жар запылал
В самом сердце, вот тут!
Силы новые в нем
Все растут и растут.
Сын свободной страны,
Для свободы рожден,
Сердцем, полным огня,
Любит родину он.
Если ж гибель придет —

Встретит смертный свой миг,
Как встречали его
Соловей и родник.

Июль 1942

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.